

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ “СЕРДЦА ТЬМЫ” ДЖ. КОНРАДА: РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫХ АЛЛЮЗИЙ

Олена АВРАМЕНКО

Криворізький педагогічний інститут ДВНЗ “Криворізький
національний університет”

Розглянуто особливості функціонування історико-літературної аллюзивності власних назв “Серця п'їтьми” Дж. Конрада у гуманістичному інтертексті англійського (анти)колоніалістського дискурсу XVI–XIX ст.

Ключові слова: історико-літературна аллюзія, інтертекст, (анти)колоніалістський дискурс, аллюзивний ряд власних назв, інакшість, постколоніальні студії, гендерні відмінності.

Рассматриваются особенности функционирования историко-литературной аллюзивности имен собственных “Сердца тьмы” Дж. Конрада в гуманистическом интертексте английского (анти)колониалистского дискурса XVI–XIX вв.

Ключевые слова: историко-литературная аллюзия, интертекст, (анти)колониалистский дискурс, аллюзивный ряд имен собственных, инаковость, постколониальные студии, гендерные различия.

Allusive functioning of proper names in J. Conrad’s “Heart of Darkness” as a part of the humanistic intertext of English (anti)colonialist discourse is analyzed.

Keywords: literary-historical allusion, intertext, (anti)colonialist discourse, allusive line of proper names, otherness, postcolonial studies, gender differences.

Современные исследователи, полемизируя с постструктуралистами, рассматривают интертекстуальность и как факт соприсутствия в одном тексте двух и более текстов, актуализирующихся в “финальном” произведении такими художественными приемами, как цитата, аллюзия, реминисценция, плагиат и др. (4, с. 2). При этом феномен интертекстуальности вмещает в себя не только факт заимствования элементов существующих текстов, но и (и прежде всего. – Е. А.) наличие единого текстового пространства – в данном случае – английского (анти)колониалистского дискурса XVI–XIX вв.

Когнитивная и коммуникативная природа аллюзий дает возможность обнаружить специфические черты различных коллективных и индивидуальных поэтических систем в их взаимодействии и взаимосвязи.

В данном случае речь пойдет об интеракции шедевра Дж. Конрада с национальным английским (анти)колониалистским дискурсом елизаветинской эпохи – т.е. с обширным корпусом текстов, посвященных проблемам завоевания и последующего освоения колоний (иначе говоря, с коллективной поэтической системой), а также с индивидуальным осмыслением феномена колониализма трагедиями К. Марло. Предлагаемая работа являет собой попытку рассмотрения “Сердца тьмы” Дж. Конрада в контексте единого текстового пространства; основанием для такого подхода служит обнаруженное нами наличие аллюзивного ряда имен собственных, создающих, на наш взгляд, глубинную ретроспективу произведения Конрада в общенациональный английский гуманистический дискурс об англосаксонской колонизации неизведанных земель и о ее перспективах.

Представляется, что аллюзивный ряд имен собственных в тексте Дж. Конрада, неразрывно связанный с нарративной структурой этого произведения и в известной степени организовывающий ее, был нацелен на порождение в сознании образованного викторианского читателя мощного гуманистического интертекста о результатах и перспективах колониального владычества Англии как в социально-политическом, так и в социокультурном (и, в частности, социально-психологическом) аспектах.

По наблюдению современных исследователей, имена собственные в “Сердце тьмы” используются на редкость экономно. Действующие лица в подавляющем большинстве обозначаются через их социальный статус, профессию или род занятий (мужчины), или через статус бытовой/семейный (женские персонажи – тетя Марло, невеста Куртца, African woman). Тем отчетливее выступают в этом номинативном контексте два имени собственных – имя основного рассказчика Чарльза Марло и название прогулочной яхты – “Nellie”, на борту которой звучит рассказ Марло, составляющий ядро общероманного повествования, вложенного автором в уста неизвестного нарратора, а также и нарратив самого Дж. Конрада.

Эти два имени собственных (Charles Marlow and Nellie), выступая из общего ряда нарицательных имен, посредством которых означены все остальные персонажи, привлекают внимание неброской, но очевидной историко-литературной аллюзивностью: имя главного рассказчика (и одновременно – одного из главных действующих лиц “Сердца тьмы”) – совпадает с именем великого английского драматурга Christopher’a Marlowe,

причем их инициалы совпадают абсолютно – то есть орфографически (Charles и Christopher); в то же время название яхты, на борту которой звучит рассказ Марло, у викторианского читателя ассоциируется с именем Nelly Dean – домоправительницы старинного плантаторского семейства Эрншо и главного нарратора одного из величайших социально-психологических романов XIX в., посвященного проблеме отдаленных социальных и психологических последствий британского колониального владычества в Вест-Индии, – “Грозового Перевала” Эмили Бронте [8, 9, 1, 2]. (Социально-историческую подоплеку этой проблемы раскрывают доказательные работы К. Хейвуда, которые можно отнести к числу лучших исследований, написанных в русле post-colonial studies [8, 9] с использованием филологического и историко-культурного методов анализа литературного произведения).

Минимальный аллюзивный ряд имен собственных, своеобразно организующий нарративную структуру текста Дж. Конрада, создает в нем интеллектуальную ретроспективу, порождая в сознании образованного читателя насыщенный гуманистический интертекст о результатах и перспективах колонизаторских практик Британской империи – как в социально-политическом, так и в социокультурном, и, в частности, социально-психологическом аспекте. Имя Charles Marlow содержит аллюзию на обширный корпус трагедий К. Марло, созданных в эпоху великих географических открытий и первых колонизаторских устремлений англосаксов, жаждавших превзойти остальную Европу (прежде всего Испанию и Португалию) в деле освоения новых – иных (other!) – стран и территорий. (Это был один из самых выдающихся колонизаторских проектов эпохи Возрождения, осваивавших the Otherness не-английского мира). По мнению Л. Хопкинса, все трагедии К. Марло поворачивают на сто восемьдесят градусов процессы, происходящие во владетельном сознании колонизатора. Исследовательница говорит о реверсивности процессов – “the reversal of the processes”, внутренне присущих “the possessing colonialist gaze” – “владетельному и овладевающему взгляду колонизатора” – для того, чтобы показать зрителю, что “the alien object at which we think we stare, in fact, reflects us back to ourselves, and illuminates the stranger within us” [11]. Интересно, что аналогичный прием по радикальному (на сто восемьдесят градусов) повороту сознания и взгляда читателей (и слушателей) Чарльз Марло, основной рассказчик “Сердца тьмы”, использует, вслух

размышляя о том, что когда-то и британцы были дикими, темными и нецивилизованными, – если взглянуть на них глазами их древних колонизаторов и цивилизаторов – римлян эпохи Цезаря [6].

“Сердце тьмы” содержит очевидные переключки с как минимум двумя трагедиями Кристофера Марло – с “Dido, Queen of Carthage” и “Tamburlaine the Great”. Суть этих переключек – в использовании Конрадом марловской трансформации классического сюжета эпического авантюрного путешествия (“the traditional pattern of classical epic adventure voyage” [14]): в этой традиционной модели герой-колонизатор торжествует благодаря более развитым и разнообразным умениям и силовому превосходству (due to superior skills and force) – и таким образом подчиняет себе чужую (иную – Other) культуру. В “Дидоне, царице Карфагенской” Марло следует этой модели вплоть до того момента, когда туземец (т. е. побежденный; в классическом epic adventure voyage нередко это женщина) умирает; однако, по наблюдению Л. Хопкинса, у елизаветинского драматурга финал авантюрного путешествия оказывается “слегка неожиданным” (“slightly unexpected”): вместо того, чтобы восторжествовать, воспользовавшись своим превосходством и подчинив alien – иную, враждебную культуру, – Эней “is himself altered by what he finds there” [11]. В «Сердце тьмы» происходит то же самое: меняются и Куртц, и Чарльз Марло, принимавший участие в истории Куртца и рассказывающий о ней своим соратникам по Компании на борту яхты “Nellie”. Чарльз Марло меняется в плане духовном: он становится вдумчивее и печальнее, а его ирония – горше и безысходнее; Куртц же, “человек действия”, перенимает у alien culture ее первобытные обряды, обычаи и, вероятно, ценности. Чарльз Марло на берегах реки Конго тоже нередко ощущал в себе темное желание пуститься в первобытную пляску вместе с темнокожими аборигенами (самое страшное, что может произойти с исследователем неведомых земель); видимо, это общечеловеческий позыв, в очередной раз (в тексте Конрада) свидетельствующий о единстве рода человеческого; Куртц, не такой вдумчивый и не наделенный врожденным благородством и гуманностью Чарльза Марло, следует этому позыву до конца, сознательно и целенаправленно решая при этом задачу личного обогащения (посредством добычи слоновой кости), став для этого одним из “others”: он возглавляет туземное племя, добившись признания его членами своей «божественности» – и в ужасе погибает. Ужасность и непостижимость его смерти – сродни фантазмагорической гибели Тамерлана Великого: у Кристофера Марло она не обычного,

природного, а божественного походження [5, с.263]; Куртц же у Конрада помирає двічі: спочатку – віртуально в очах своїх білих сородичів (“Куртц сошел с ума”, – вторять йому знайомі і сослуживці), а потім – і буквально: від невідомої тропічної хвороби, виснажившої його сили.

Починаючи з К. Марло, проблема “інаковості” колонізованих рас в англійській літературі розглядається в соположенні і сопоставленні з проблемою гендерних відмінностей. В “Тамерлане” і інших п'єсах К. Марло кращі (з моральної точки зору) жінки належать до *іншої* раси – кротка і любляча жінка жорстокого Тамерлана єгиптянка Зенократа і др. [11]. Правда, уже В. Шекспір в “Отелло” покаже, що європейські жінки теж надійні і предані і наділені моральним досконалством (венеціанка Дездемона), а більше ніж за двісті років до Шекспіра ідеальну (з чоловічої точки зору – то єсть кротку і предану) європейку зобразив в “Кентерберійських історіях” Дж. Чосер (новела про Гризельду).

З гендерної проблематики пов'язана лінія “Серця темряви”, імплікована жінкою іменем – найменуванням прогулочного судна, на борту якого з уст розповідача Марло звучить історія Куртца і його Нареченої. L. Hinkle зауважує, що єдиним жіночим іменем, згаданим на протязі всього твору, є назва яхти, краще, прогулочного яхти [10]: слухачі Марло – чоловіки, так чи інакше присвятивши себе справі колоніального освоєння світу – Директор Компанії, Бухгалтер, Юрист – мирно відпочивають на борту «Неллі» після трудових зусиль будівництва імперії. Аллюзія на ранньовікторіанський роман про жахливі наслідки несправедливої ​​добути багатства – наслідках, проявляються в мирному житті англійського *home* і руйнівних впливах на головну цінність англичан – їх *domesticity* – аллюзія, представлена ​​єдиним жіночим іменем в тексті Конрада, відкриває його (“The “Nellie”, а *cruising yawl*” – початок першої строки твору), викликає в пам'яті читача образи англійських жінок, існуючих в *іншому*, ніж у чоловіків, світі, починаючи з згаданих жіночих персонажів Дж. Чосера і У. Шекспіра і кротких героїнь Г. Філдинга і У. Теккерея, а також асоціацій з антиколоніалістською проблематикою цього твору.

В разі з найменуванням прогулочного судна, на борту якого звучить історія Куртца і його *Intended*, аллюзія на роман Бронте – це *знак ситуації*, в якій розгортаються *парадоксальні наслідки*

(іноді дуже віддалені в часі і просторі, як в історії родини Ерншо і Хитклифа, іноді безпосередньо наступні, як в історії Куртца) – наслідки типового (з урахуванням ситуацій, зображених Кристофером Марло) досвіду колонізаторських практик: це знак ситуації, діалектично обертається проти самої себе і вивертається наизнанку (*reversing*, по Л. Хопкінс) на певному етапі її розвитку – коли *раб* стає *господином* – жорстоким, безчеловечним і мстительним (безродний найденний Хитклиф і скифський пастух/імператор Тамерлан), а господар (замість здійснення цивілізаторських зусиль і заходів) хоче злитися (і сливається!) з толпою темних во всіх відносинах туземців – сливається, щоб очолити їх, назавжди став одним з них.

Так старовинна англійська тема оборотності зла (*reversibility of the Evil*), заявлена ​​ще трагедіями К. Марло і В. Шекспіра, в ХІХ столітті по-новому втілюється великими творами вікторіанської епохи – “Грозовим Перевалом” Е. Бронте і “Серцем темряви” Дж. Конрада. При цьому Конрад, створивши в тексті глибоку історико-культурну ретроспективу, здійснює також бросок в недалеке (як виявилось менше ніж через двадцять років після створення “Серця темряви”) майбутнє європейського – в частині германського – імперіалізму за допомогою аллюзії на *Kurzsichtigkeit* – близькість імперіалістическої Німеччини, відмінною від неї була невідомістю і ототожненням – жорстокістю по відношенню до своїх африканських колоній (і тому їх втраченої); близькість і нерасчетливість німецьких імперіалістів, імплікована аллюзивністю імені “Куртц”, підкріплюється також і близькістю і нерасчетливістю (в кінцевому рахунку) самого носія германізованого імені власного – колонізатора і цивілізатора Куртца, на практиці проігнорировавши підлиний гуманітарний і гуманістический аспект своєї власної колонізаторської діяльності. (Інтересно, що в “Лорде Джиме” автор “Серця темряви” ставить цей аспект в центр художественної проблематики роману: чи може благородний білий чоловік облагородити і покращити життя громади диких не-білих людей? Зв'язок між цими двома творами Джозефа Конрада, виявлюється в історії їх (паралельного) створення, підкріплюється автоінтертекстуальним використанням одного і того ж – загального для розповідачів обох творів – імені “Чарльз Марло”).

Аллюзии на двух великих авторов, разрабатывавших имперскую проблематику на разных – по сути, противоположных – этапах развития (и художественного осмысления) британской колонизаторской деятельности – на Кристофера Марло и Эмили Бронте – имплицитно острый интерес Конрада к английскому национальному имперскому (и империалистическому) дискурсу (English national imperial/ist discourse), включая интерес к *женскому антирабовладельческому дискурсу*: судя по всему, он воплощен в обобщенном образе *мира западных женщин*; по наблюдениям Дж. Питерса, этот мир у Конрада (а также и в повседневной интеллектуальной и социальной реальности Англии XIX века) оказывается носителем идеалов *гуманизированной* эксплуатации населения колоний, включающей “charitable enlightening and civilizing” [12].

Возможно, именно этот женский антирабовладельческий дискурс имплицитно фигурирует женщиной, изображенной на рисунке Куртца – “draped and blindfolded, carrying a lighted torch” [6]. По мнению Дж. Питерса, “like the Intended, this woman carries the torch of Western ideals, and also like the Intended she is complicit (причастна!) to the corruption”, хроникером и обличителем которой является Чарльз Марло: женщина с повязкой на глазах “is clearly “an emissary of light”, “a bearer “of a spark from the sacred fire”, “but because she cannot see what she is doing she is also ignorant of the meaning and possible sinister results of these ideals” [12].

Один из сотрудников Центральной станции Компании определяет Марло как “one of the new gang – the gang of virtue (Выделено мною. – Е. А.). “The same people, who sent him [Kurtz] specially also recommended you”, – говорит он Чарльзу Марло.

Представляется, что старую gang of evil, осененную *мужским* патриархальным подходом к колонизации нецивилизованных стран и народов, по историко-культурным наблюдениям Конрада и по замыслу его произведения, сменяет *женская* антирабовладельческая деятельность, нацеленная на просвещение нецивилизованных туземцев, – хотя, впрочем, также и на обретение вполне осязаемых материальных благ. (О том, что эта тенденция с середины XIX века в британском (анти)колониалистском дискурсе становится доминирующей, свидетельствует иронически представленный Ч. Диккенсом в его романе “Bleak House” (1853) образ миссис Джеллиби – деятельной защитницы прав чернокожих и одновременно на редкость деловой женщины, радеющей о приумножении английского национального богатства – о создании кофейных плантаций руками ее (просвещенных!) африканских подопечных). Представляется,

что рисунок Куртца, иронически описанный Чарльзом Марло, содержит реализацию старой стертой метафоры просвещения: эта метафора графически воплощена в образе факела, освещающего darkness of the somber – almost black – background рисунка великого цивилизатора и просветителя Куртца.

Э. Саид полагает, что африканцы Конрада – это не прямой опыт или рефлексия автора, а “мир в языке текста”, результат влияния на автора “библиотеки Африканизма” – произведений европейцев о черном континенте: “Сердце тьмы” – это не фотографическая литературная “рефлексия”, а смешение “текстов и образов, целей и интенций, идей и интересов” (цит. по: [3, с.23]).

Очевидно, что Э. Саид говорит об этом с обидой за Африку – и оттого не замечает, что “смешение” это – не хаотичное и эклектичное (как многое из того, что пишет сам Э. Саид): оно тщательно продумано и художественно выстроено, и в таком качестве работает на гуманистический замысел автора “Сердца тьмы” – замысел, оказавшийся *не понятым* автором “Culture and Imperialism”. Возможно, это – одна из особенностей творческой манеры Дж. Конрада: так в “Лорде Джиме” он сыронизировал по поводу “light holiday literature” – легкой беллетристики, литературы для подростков, которой начитался главный герой этого романа, в результате обнаруживший “свое призвание моряка” [7, с.11]. В “Сердце тьмы” Конрад эту прямую “общелитературную” отсылку превращает в художественно-графическую аллюзию, характеризующую не только Куртца (со всей многогранностью его дарования), но и общий для всего XIX в. культурный контекст, в котором гуманное английское общество на рубеже столетий пыталось решить мучительную для него проблему существования империи и своих/ее возможных перспектив.

ЛІТЕРАТУРА

1. Авраменко О. І. “Грозвий Перевал” Е. Бронте: образ Хіткліфа в соціокультурному контексті 1840-х рр. // Від барокко до постмодернізму / Від. ред. Т. М. Потніцева. – Вип. XV – Дніпропетровськ: Видавництво ДНУ, 2011. – С. 73–79.
2. Авраменко О. І. Метафізична концептуальність “Грозового Перевалу Е. Бронте” у соціально-історичному контексті Англії XVI – першої половини XIX ст. // Актуальні проблеми духовності / Гол. ред. Я. В. Шрамко. – Вип. 13. – Кривий Ріг: ДВНЗ “КНУ”, 2012. – С. 283–290.

3. Богомоллов С. А. Художественное пространство Британской империи в творчестве Дж. Конрада // Вестник ОГУ. – 2004. – Вып. 6. – С. 21–27.
4. Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2004. – Вып. 3. – Воронеж: ВГУ. – С. 92–96.
5. Парфенов А. Т. Кристофер Марло и легенды Востока и Запада // К. Марло. Две трагедии / сост. И. Л. Андреева, А. Т. Парфенов. – М.: Высш. шк, 1980. – 285 с.
6. Conrad J. Heart of Darkness. – Режим доступу: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/526/pg526.html> (19.05.13). – Назва з екрана.
7. Conrad J. Lord Jim. – Lnd., Penguin Popular Classics, 1994.
8. Heywood Ch. Yorkshire Background for “Wuthering Heights” // The Modern Language Review. – Vol. 88, part 4. – October 1993. – P. 817–830.
9. Heywood Ch. Yorkshire Slavery in “Wuthering Heights” // The Review of English Studies. – №. 3. 38, 150. – 1987. – P. 184–198.
10. Hinkle L. L. Women and Silence in Conrad’s “Heart of Darkness», or Patriarchal Fantasy / An Online Feminist Journal. – Vol. 1, Issue 5. – Jan, 2001. – Режим доступу: http://academinist.org/wp-content/uploads/2010/07/010502Hinkle_PFantasy.pdf (19.05.13). – Назва з екрана.
11. Hopkins L. “And shall I die, and this unconquered?” Marlowe’s Inverted Colonialism // Early Modern Literary Studies. – 2.2:1.1-23. – Режим доступу: <http://purl.oclc.org/emls/02-2/hopmarl.html> (19.05.13). – Назва з екрана.
12. Peters J. G. Joseph Conrad’s Heart of Darkness and the World of Western Women // Studies in Short Fiction. – Vol. 37, Issue 1. – Jan, 2012. – P. 87.
13. Said E. W. Culture and Imperialism. – NY, 1993.
14. Sid R. Marlow(e)’s Africa: Postcolonial Queenship in Conrad’s Heart of Darkness and Marlowe’s Dido, Queen of Carthage / R. Sid // Conradiana. – Vol. 38, No. 2. – 2006. – P. 143.

“(НЕО)АНТРОПОЦЕНТРИЗМ” У ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВІ США ХХ СТОЛІТТЯ

Людмила АНІСІМОВА

Київський університет імені Бориса Грінченка

У статті з’ясовано причини появи у літературознавстві США ХХ століття теорій, об’єктом дослідження в яких постає читач/читацька спільнота, та досліджується проблема становлення теорії читацького відгуку як літературознавчого “(нео)антропоцентричного” напрямку. Окреслено його взаємодію з антропологією, психологією та філософією.

Ключові слова: теорія читацького відгуку, літературознавство США ХХ століття, антропологія, (нео)антропоцентризм, “читачеорієнтована” критика.

В статті в’ясовано причини появи в літературознавстві США ХХ століття теорій, об’єктом дослідження в яких становиться читач/читальське сообщество, и исследуется проблема становления теории читательской реакции как литературоведческого “(нео)антропоцентричного” направления. Определено его взаимодействие с антропологией, психологией и философией.

Ключевые слова: теория читательской реакции, литературоведение США ХХ века, антропология, (нео)антропоцентризм, “читателеориентированная” критика.

The article deals with the reasons of development the theories in literary criticism of the USA, which have the (a) reader/reader community as the object of research, and the problem of Reader-response theory as literary critical ‘(neo)anthropocentric’ movement formation is analyzed. Its relations with anthropology, psychology and philosophy are defined.

Key words: Reader-response theory, literary criticism of the USA in 20th century, anthropology, ‘(neo)anthropocentrism’, ‘reader-oriented’ criticism.

Останнім часом спостерігається посилення уваги вітчизняних науковців до антропологічних і гуманістичних вимірів літератури. Починаючи з 2001 р. функціонує наукова школа літературної антропології під керівництвом проф. Я.О. Поліщука (який у грудні 2012 р. виступив на 16-му філологічному семінарі ім. В. Перетца з доповіддю із промовистою назвою “Антропологічна перспектива у сучасному літературознавстві”). Вагомим “антропологічним” осередком в Україні можна назвати Тернопільський національний педагогічний університет, в якому 10–11 квітня 2008 р. проведено конференцію “Новітня теорія літератури і проблеми літературної антропології” і того ж року опубліковано два випуски альманаху “Studia methodologica” (№№ 24 і 25), присвячених літературній антропології та антропології літератури. У статтях Л. Гарнашинської [10], С. Андрусів [1], М. Гнатюка та багатьох інших науковців висвітлено різні теоретико-методологічні аспекти в контексті так званого “антропологічного повороту”. Також із польської перекладено праці антропологічного спрямування М.П. Марковського [6], Е. Доманської [4], Р. Нича [8]. Значна кількість досліджень пов’язана саме з літературною антропологією представника Констанцької школи рецептивної естетики В. Ізера, висвітленою у праці “Пошуки: від читацького відгуку до літературної антропології” (“Prospecting: From Reader Response